

В такую бурю никакие лепестки не могли уцелеть. Эх, похоже, завтра действительно придётся любоваться лишь остатками цветов, разбросанными по земле.

С лёгкой долей ожидания и раздражения Аой лежал в своём гнезде, слушая, как всю ночь бушевали ветер и дождь. Он думал, что если завтра дождь не прекратится, то у него будет законный повод не идти любоваться цветами, а вернуться в гостиницу и продолжить работу.

Такое вполне могло случиться, ведь по воспоминаниям Аоя весенние дожди на горе Сигурэ часто бывали затяжными, и ливень мог идти целый день.

Однако вылетев наружу, Аой увидел, что солнце светит ярко, небо голубое, как зеркало, и погода после дождя была невероятно хорошей.

Похоже, Небеса хотят, чтобы он стал птицей, которая держит своё слово.

Утешая себя таким образом, Аой попрощался с семьёй и, не позавтракав, расправил крылья и полетел к вершине горы, чтобы поскорее вернуться.

Как он и предполагал, после вчерашней бури большинство весенних цветов, которые прежде ярко цвели на горе, теперь почти полностью увяли. Толстый слой опавших лепестков, смешанных с ещё не испарившейся дождевой водой, лежал на земле, словно ковёр из весенних красок.

Летая высоко в небе, Аой смотрел вниз, и в его взгляде эти, казалось бы, увядшие цветы вдруг обрели особую красоту.

Большой какаду, который редко поднимался на вершину горы после дождя, почувствовал, что его притягивает этот весенний ковёр. Летая всё ниже и ниже, он в конце концов медленно опустился на землю.

Земля после дождя была ещё грязной, но попугай не хотел снова взлетать. Он шёл своими короткими ножками, шаг за шагом, медленно пробираясь сквозь цветы и деревья.

Когти большого какаду были зигодактильными, с двумя парами пальцев, направленными вперёд и назад, с острыми когтями и сильной хваткой, что идеально подходило для лазания по веткам и стволам деревьев.

Однако такие когти не очень подходили для ходьбы по земле. Аой шёл уже минут десять, но не смог пройти и двадцати метров.

В раздражении белый попугай решил отказаться от ходьбы на когтях и выбрал метод, которым обычно пользуются дикие воробьи, — прыжки.

Такой способ передвижения оказался гораздо быстрее. С шумом, разбрызгивая грязь, он оставлял за собой следы, напоминающие полосы на костях маджонга.

Продвигаясь всё дальше, Аой вскоре оказался в самой верхней части леса на вершине горы. В отличие от деревьев, специально посаженных для украшения, этот лес был диким, естественно растущим.

Никто не сажал здесь деревья намеренно, они росли сами по себе, поэтому виды деревьев здесь были разнообразны, и лес выглядел довольно хаотично.

Однако по сравнению с ухоженными декоративными деревьями дикие растения здесь были гораздо более выносливыми. После сильного дождя в искусственном цветнике повсюду лежали увядшие цветы, а в диком кустарнике ветки и листья оставались зелёными и выглядели ещё более пышными.

Действительно, это были виды, выжившие в борьбе за существование, и дикие существа были не так просты.

С восхищением белый попугай больше не хотел прыгать вперёд. Он развернулся на триста шестьдесят градусов и решил вернуться обратно.

Территория от отеля до вершины горы принадлежала семье Хаякава, и белый попугай хорошо знал, что дальше будет только девственный лес, где ничего интересного не увидишь.

Он уже полюбовался цветами, и теперь можно было бы вернуться обратно, не так ли?

Аой, который с самого начала планировал вернуться поскорее, несколько раз взмахнул крыльями, собираясь завершить свою прогулку и отправиться в гостиницу за угощением.

С силой взмахнув крыльями, он согнул ноги, готовясь взлететь, но вдруг остановился, наклонил голову и прислушался.

В тот момент, когда он уже собирался взлететь, Аой услышал звук, который издают птенцы, когда им угрожает опасность.

Звук был то громче, то тише, но даже на пике его было едва слышно, а в тихие моменты он почти исчезал, что говорило о том, что тот, кто его издаёт, находился в плохом состоянии.

Будучи инструктором по воспитанию птенцов в Доме попугаев, Аой был особенно чувствителен к звукам, которые издают птенцы. Если бы другие птицы слышали такой звук в дикой природе, они, вероятно, предпочли бы проигнорировать его, ведь птенцы обычно означают проблемы, и не свои дети никому не нужны.

Но Аой, проработав инструктором по воспитанию птенцов более десяти лет, выработал у себя рефлекс: услышав зов птенца, он сразу же хотел проверить, что случилось.

Прыгая в направлении звука, Аой в конце концов увидел под тенью большого кедра разбитое гнездо, рядом с которым лежал голый, морщинистый птенец, слабо постанывающий с закрытыми глазами.

Птенец выглядел жалко, без единого намёка на бодрость. Его маленькая голова, покрытая тонкой плёнкой, низко опустилась, на теле не было ни одного пушка, а кожа была морщинистой, словно лоб столетнего старика. Цвет его тела был не нежно-розовым, как у обычных птенцов, а бледно-серым, что говорило о плохом состоянии здоровья.

Половина его тела была придавлена разбитым гнездом, а другая половина была покрыта сухими ветками, листьями и грязью. Если бы он не продолжал слабо пищать, Аой мог бы подумать, что птенец уже мёртв.

Казалось, птенец почувствовал, что кто-то приближается, и в тени Аой увидел, что глаза птенца смотрят на него. Но, подойдя ближе, он понял, что это не так — глаза птенца были плотно закрыты, а плёнка на них ещё не полностью исчезла, что говорило о том, что он вылупился совсем недавно.

Несмотря на это, звуки, которые издавал Аой, привлекли внимание птенца. Аой видел, как маленькое существо изо всех сил извивалось на влажной земле, с трудом поднимало голову и открывало клюв, издавая прерывистые звуки.

На этом этапе птенцы ещё не умеют общаться с помощью звуков. Их крики похожи на плач человеческих младенцев — это предупреждение, сигнал о том, что им плохо и они нуждаются в особом внимании.

Почти инстинктивно, увидев птенца в таком состоянии, какаду первым делом подпрыгнул, оттолкнул лапой гнездо, которое придавливало птенца, и быстро прикрыл дрожащего малыша своим крылом.

Хотя уже был конец марта, температура на горе была намного ниже, чем внизу, а влажная земля и холодная грязь только усугубляли ситуацию. Аой, не раздумывая, начал согревать птенца.

Птенец, попавший под крыло Аоя, изо всех сил старался прижаться к нему. У него не было никакой возможности сохранять тепло, и он чуть не замёрз насмерть.

Тепло, исходившее от Аоя, было для него не просто комфортом — это была его жизнь.

Белый попугай, чьи крылья испачкались грязью и ветками, не обращал на это внимания.

Увидев, что птенец, хотя и укрытый крылом, всё ещё лежит на земле, он насторожил перья на голове.

Так нельзя — кожа птенца, соприкасающаяся с землёй, будет продолжать отбирать у него тепло, что для малыша, который, вероятно, уже долгое время боролся с холодом и дождём, могло быть смертельно.

Тогда попугай, держащий птенца, поднял его крылом и, покачиваясь, подошёл к разбитому гнезду, с трудом забрался в него и сел в позе, характерной для наседки.

Хотя гнездо, промокшее за ночь, уже почти потеряло способность сохранять тепло, оно всё же было лучше, чем холодная, грязная земля.

Первое, что сделал белый попугай, устроившись в гнезде, — это громко закричал.

— Кар-кар~ кар-кар~~ кар-кар~~? Чьё это гнездо? Птенец упал на землю, никто не придёт посмотреть?

— Кар-кар~ кар-кар~ кар-кар~? Кто это? Дом разрушен, птенец чуть не погиб, как можно так небрежно относиться? У вас есть сердце?

<http://bllate.org/book/15292/1349545>